

Тимофей Изотов
Абдул Толик

Тимофей Изотов

Абдул Толик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8504864

ISBN 978-5-4474-0284-6

Аннотация

Тимофей Изотов – фотограф, художник, путешественник, в этой книге придал своим наблюдениям над жизнью и своему умению схватывать множество деталей в единой «картинке» (качество, определяющее хорошего фотографа) литературную форму. Блестящие тут и там метафоры хорошей литературной выделки, всепроникающая ирония, умение в заурядном видеть характерное и даже символическое – вот главные черты литературного стиля Изотова. А также способность смешивать самую конкретную явь с кафкиански-мамлеевским мороком. Но ведь эта смесь и есть наша жизнь.

Содержание

Земляки	5
Кража	13
Абдул Толик	20
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Абдул Толик Тимофей Изотов

© Тимофей Изотов, 2014

© Тимофей Изотов, фотография на обложке, 2014

Редактор Юлия Щербакова

Благодарности

www.skycg.ru

Сергей Малайкин

Создано в интеллектуальной издательской системе

Ridero.ru

Земляки

Каблук у Инессы сломался как раз в тот момент, когда открылись двери лифта. Выглядело это очень просто: разошлись в разные стороны двери, и я увидел Инессу. Инесса смотрит на меня. У Инессы в руках бокал с вином. Раскачиваясь и пританцовывая, она спрашивает:

– Вы к нам?

Я растерянно озираюсь. В этот момент Инесса приседает, и – часть туфли отлетает в сторону. Вино в бокале раскатывается по стенке против часовой стрелки и короткой волной плещет на пол.

Это происходит на десятом этаже общежития. Как раз там, где студенты по будням, выходя из лифта, могут повернуть направо, а могут и налево. Напротив дверей холл и большие окна. Не дожидаясь моего ответа, Инесса оборачивается назад и, обозревая ночь за окном, сообщает:

– Наливают там.

После этой короткой фразы она, потеряв ко мне интерес, наклоняется и начинает искать свой каблук.

Между коридором налево и коридором направо, между двумя диванами и столиком, посередине, сорок человек, дружно, надрывая имеющиеся в горле связки, разговаривали между собой громко и бессвязно. Тряся подбородками,

косами, чубами, роняя бутылки – некоторые пытались танцевать. Или лучше сказать – пританцовывать.

Музыка играла громко. День рождения Аниты находился в разгаре. Гости пришли вовремя. Я опоздал, я, – трезвый и голодный. На столике валялись несколько пакетов с чипсами. Один пакет застрял в шеренге из десяти бутылок водки. Мне удалось ухватить застрявший. Пока я стремительно поедал чипсы, два человека упали мне под ноги. Одному удалось подняться. Девушка по имени Груша попыталась броситься мне на шею. При этом Груша элегантно держала в правой руке сразу три зажженные сигареты – наверное, ее парень (или парни) пошли в туалет.

В холле царило безудержное пьянство. Группа из шести гостей в розовых рубашках, расположившись за кушеткой, старались как можно громче, хором вывести: «Скоро скоро на луга лягут белые снега...». Потом, через пару минут, грянули зычно: «Вот как бывает – растаял он...»! Чтобы войти в диалог с обществом пришлось выпить сразу двести граммов водки. Миусская площадь, далеко внизу, за окном, расплылась всеми своими фонарями в большое светлое пятно.

Анита сидела на полу в ногах у Петлюры. Петлюра утонул в кресле. Вид у обоих был глубокомысленный. Трезвые, они вели спокойную беседу. Настоящее электромагнитное поле

потрескивало вокруг. Мне показалось, что не то что пьяные вопли не долетали до этой парочки, но и алкогольные пары застревали на полдороге.

Следующие два часа я входил в контакт с гостями. Плавно увеличивая дозу натошак, мгновенно нашел общий язык со всеми, особенно с Инессой, которая спрятала каблук в сумочку и прижимала теперь этот ридикюль к необъятной груди.

Меня мучил голод, поэтому я разглядывал ее бюст, как что-то съестное. Но Инесса слишком много выпила, поэтому ее вскоре увели в неизвестном направлении. Высокий парень Гоша старался рассуждать последовательно:

– Искусство... капитал – новый бог. Кто новый бог? Может быть, коммунизм?

– Кто? – бросая окурочок в пустую бутылку, спросил Леша.

– Новый бог? Бог умер. Субъект стерся, как лицо на песке...

говорил Фуко.

– Да – это правда, – Лешу серьезно качало, одно неверное движение, и его грузное тело могло раздавить журнальный столик с остатками чипсов.

– Бога нет, бога нет, читайте Фуко, Мишеля...

– А я – человек танцующий, – заявила вдруг девушка по имени Лера, и неожиданно двинула Грушу локтем. Груша теребила в этот момент Лерино плечо, давя перегаром ей в ухо:

– Девушка, ваши седые волосы... вам так идет.

Я рассчитывал доест чипсы, но везде валялись пустые пакеты. Кто-то сунул мне яблоко:

– На, закуси.

Тела все качались, приседали, спотыкались, лоснились от пота, тонули в дыму. Из общего грохота донеслась Гошина фраза:

– А что власть? Власть применяет разные техники. Может тебя поощрять, а может и кости поломать...

К трем часам ночи, мало-помалу, гости стали покидать помещение. Я вошел в то состояние, когда нужно уходить, но непонятно как – «друзья» уже разошлись, а я еще нет. Обе пустоты сошлись вместе: пустота в моей голове и пустота коридоров и этажей. Благодаря такому тандему я не смог выйти из здания – все двери оказывались закрытыми, если, конечно, я их обнаруживал.

Минут десять я бродил в одиночестве по доступным пространствам, пытаюсь вспомнить или осознать – кто такая Анита? И – почему я вообще сюда пришел? Магия, вероятно. Увидел где-то красивую девушку (конечно в культурной среде); она со мной заговорила. Это обстоятельство уже само по себе вводит в состояние неожиданного волнения. А тут еще с венгерским акцентом: «Может быть, вас ждать у меня

на день рождение»?

Совершенно случайно я опять попал на тот – десятый – этаж, где обнаружил Аниту и Петлюру в том же взаимном расположении. Вокруг валялись пустые бутылки. И некому их было убрать.

Завидев меня, Петлюра, наконец, встал с кресла и объявил:

«Ну, мне пора».

– Анита, не подскажите где здесь выход? – стараясь проносить слова членораздельно, я обратился к ним обоим.

– Помогите нам убрать мусор, молодой человек, — попросила Анита вежливо, приподнимаясь с ковролина.

Я удивился – надо же, вот так и просидели на одном месте три часа. Именинница провела нас тайной тропой мимо охраны к забору. Петлюра полез первый, я пошел вторым. Кирпичную ограду удалось преодолеть легко благодаря твердому сугробу, который заботливые дворники навалили специально для нас накануне. На Фадеева холод погнал нас к Садовому кольцу. Там мы расстались.

Тонкая и острая сверкающая слюда легла на грязь дороги. Кое-где гремело на ветру старое железо вывесок и знаков. Провода выли. Люди исчезли, автомобили тоже – всех разогнала Ночь. Она мне говорит: «Держись белых потоков, иди вдоль и прямо; не забывай – они у тебя под ногами». По-

слушно, запустив руки в глубокие карманы серой шинели, балансируя по «канату» кольца я пошел по кругу, вдоль этих белых потоков.

В сердце грусть, в душе тоска; и то и другое с трудом пробивается сквозь алкогольную завесу в мозг. Мозг функционирует плохо, зрение, как у наполовину слепого, лишилось периферии. Осталось только центральное. Эта точка фиксирует те объекты, которые разгоряченной голове кажутся важными: груда битого стекла на земле отражает желтый неон – горящую трубку света обнажили злым ударом пивной бутылки по лошадиной челюсти модели на рекламном плакате. Остались видны только ее удивленные глаза. Новогодняя гирлянда кривой дугой прилипла к витрине с обратной стороны. Ее шары – красными, зелеными и синими пятнами растеклись по мутному стеклу. Впереди желтел переход через Тверскую. Белые потоки бежали вниз – ровно, с легким свистом. Посередине перехода лежал пластиковый ящик – яркий, красный.

Над головой завывла сирена. Нет, не завывла – бросилась лаем слева и справа – с двух лестниц. В переходе, криво и нелепо скорчив гримасу красному ящику, я неистово пнул его ногой, и он, кувыркаясь, покатился вдоль стены. «Неужели обмороженному Маяковскому – бронзе и идолу, все равно, кто поет ему „серенады“?», – подумал я, карабкаясь по сту-

пеням – по тем, что справа.

Белые потоки несли меня в сторону Баррикадной. Порттик зала Чайковского помог мне четырьмя ледяными ступенями упасть на спину и удариться головой о бетонную тумбу. Шесть высоких арок надменно раскачивали кадила-фонари под самым потолком. «Умойся снегом из ближайшей кучи, разгребь облака впереди», – уже непонятно кто раздавал указания.

За портиком, вдоль ограды, гроздьями висли в холодных коробах дряблые лица актеров и актрис. Дальше простирался электрический мрак и четыре размазанные линии от габаритных огней случайных такси. Добраться бы до стеклянного многоугольника «Цветы до утра», не спотыкаясь, прямо и чуть по диагонали. Пять черных точек, пять горошин катались далеко впереди – без звука, хаотично шевелясь. Средняя, вторая или третья, горошина прыгала вверх-вниз упруго и весело.

Через триста метров горошины превратились в группу парней. Черные куртки и черные шапки, нарушая личное пространство, зашуршали болонием почти у виска. Вокруг меня крутанул в пол-оборота хоровод из локтей, плеч и смазанных лиц. Через три секунды я оказался в ближайшей подворотне, в полной темноте. Они, обступив меня со всех сторон, перетаптываясь, будто греясь, пускали пар блатными ртами, смотрели по-волчьи в мои слепые глаза.

– Что? Грабить будете? – спросил я у того, что стоял на-

против.

При этом мой затылок, и вообще все заднее полушарие стремительно холодело, ожидая резкого удара.

– Догадался, епта, – слова сипло хрустнули слева. Я полез в карман.

– Что это?

– Паспорт.

– Нахуй нам паспорт? – отозвался тот, что стоял напротив.

Потом пролистнул пару страниц:

– Ты откуда, братан?

– Из Нурлата.

– Откуда?

– Из Нурлата.

– Ну, хули, сразу не сказал. А то бы мы тебя сейчас разделали как канарейку.

– Слышь, Вован, пусть идет.

– Давай топай, и это – нас тут не было.

Голова вдруг ожила. Уже за поворотом, вернулось на периферию зрение. Походка изменилась. Тоску как рукой сняло, печаль прошла. И главное – я смог у себя спросить: «Где ты взял этот город Нурлат? Кто тебе вообще рассказал о его существовании?»

– Не знаем, не знаем, не знаем, – отвечали белые потоки, хотя их не спрашивали.

Кража

Получилось вот что. Миха вытащил из-под задницы старый черный портфель, расстегнул пряжку и заглянул внутрь. Внутри оказалась луковая шелуха и мятый пластиковый мешок. Мы сидели на бетонном парапете набережной реки, и пили вино под странным названием «ГАРА-ЕРИ».

Я достал пачку писчей бумаги из рюкзака, отделил треть и сунул Михе:

– Бери, друг, это подарок.

На всех листах был напечатан один и тот же график.

– Что это, Семен?

– Это график для определения наступления моментов рассвета и заката в течение года. Вот, смотри...

Но Миха не стал смотреть и отправил пачку бумаги к луковой шелухе. Затем сунул портфель под мышку:

– Пойдем.

– Куда?

– У меня отец на прошлой неделе помер. Надо заехать у майстэрню, камень присмотреть для могилы.

– И где гэтая майстэрня?

– В деревне Дрозды.

Город закончился почти сразу, на шестой остановке. В майстэрне мастера на месте не оказалось. На вопрос «Где?», из пыльного и темного, заваленного рубленым

гранитом угла ангара вяло донеслось:

– Прийдзе. Праз две гадзины.

Миха совсем не расстроился. Весело мне подмигнул:

– Посидим на берегу.

– Берегу?

– Здесь озеро есть.

В пустом небе надрывался одинокий жаворонок. В озере квакала лягушка. Полуденное солнце лишило окрестный пейзаж полутонов и оттенков. Приходилось выбирать – или черная тень, или зеленая зелень. Мы выбрали тень, траву и берег. Я достал бутылку «Гара-Ери» и два стаканчика. Миха хлопнул себя по лбу, но комар улетел.

– Ну! Жыве Беларусь!

– Жыве!

За нашей спиной кусты – густые. За кустами деревня. Деревню скоро съест город. Поэтому вид она имеет жалкий и обреченный. Это почти уже трущоба. Электрические столбы покосились, забор в дальней усадьбе рухнул, местная свалка увеличилась в размерах. Когда мы с Михой открыли вторую бутылку, из кустов вдруг вышла рыжая девушка с розовым покрывалом в руках.

– У вас зажигалки не найдется? – спросила девушка, шурясь своим простым конопатым лицом на солнце.

– Тебя как зовут?

– Зоя.

– Садись с нами, Зоя. Выпей вина. А потом покурим.

Зоя расстелила розовую тряпицу на уже примятой траве и уселась, поджав под себя ноги. Говорить было особо не о чем. Молчать тоже, как-то... я стал вдруг пересказывать повесть Лескова «Очарованный странник». Зое я сказал, что это правдивая история из жизни. Зоя слушала внимательно, Миха почти заснул.

Вокруг царил мир и покой.

Через минут сорок я охрип, а вино все выпили. Молчаливая Зоя скребла мелкий волдырь на коленке. У Миши таких волдырей скопилось четыре – и все на лбу.

– Зоя, у вас в деревне магазин... так чтоб с продуктами. Как? – встрепенулся Миха.

Вообще у Зои голос был мелодичный и даже приятный:

– Вы там, пацаны, обломаетесь. Нехрена в том сарае делать.

– Скажи лучше – тебе вино, или шампанское?

– Мне по фигу.

Девушка разделась до купальника, улеглась на живот, накрыла голову газетой и сделала вид, что загорает. Газета называлась «Свабода».

– Поищем еще вина, – выразил мнение Миха, рассеянно разглядывая розовые Зоины ягодицы, к одной из которой прилипла короткая изумрудная травинка.

– Ты тут полежи маленько. Мы скоро придем, – сказал он

ласково.

Над входом в желтое неказистое здание, из сострадания к приезжим, повесили кусок жести с надписью «МАГАЗИН». Торговое заведение оказалось универсальным: помимо алкоголя предлагалось приобрести вилы, топоры, легкие домашние халатики, тару для солений, бигуди и резиновые сапоги.

На последние деньги мы купили две бутылки шампанского – теплого, но зато сухого. По дороге к озеру заглянули в «майстэрню». Мастера на месте опять не оказалось. На этот раз у входа возились двое рабочих. Матерясь, они грузили на тележку небольшую гранитную глыбу:

– Майстра сення не будет, – перебил один из них наш вопрос: «А где...?»

– Но нам сказали..., – промямлил Миха.

– Болеет, – перебил Миху второй. Тогда Миха сказал, бодро и пьяно:

– Семен, пойдём на озеро!

Примятая трава, обрывки газеты «Свабода», ровно четыре окурка – это все, что осталось от Зои. Но нет, там еще лежал пакет из целлофана с надписью «Мишка».

– Ушла?

– Миха, у тебя портфель сперли.

Миха решил многозначительно улыбнуться.

– Неожиданно. А?

– Она вроде говорила, что живет в той избе.

Мы вышли на жаркий деревенский перекресток. На его середине стояла группа крепких коренастых теток и что-то живо обсуждала. Завидев нас, они притихли.

– Вы, случайно, не знаете? Вот в том домике может быть живет девушка по имени Зоя? – поинтересовался осторожно Миха.

– А вы кто такие? – пододвинулась к нам самая потная и толстая женщина.

– Это те парни, что сидели с ней на берегу, – визгнула вторая из-за спины толстухи.

– Да, мы те парни и у нас украли портфель с важными документами. А украла этот портфель девушка по имени Зоя, – заявил я. Повисла длинная пауза. Одна баба сорвала придорожный лопух и пристроила его на голову.

– Это одна банда, надо вызывать милицию, – решила седая в зеленом переднике.

– Э-Э-Э! Секундочку, мы же жертвы... нас лишили собственности.

– Ленка, иди, звони! – заключила потная толстуха.

Ленка убежала к телефону: до меня дошло – так просто нас не отпустят.

Под колючими взглядами я достал из рюкзака свои графики и стал раздавать их присутствующим:

– Вот, обратите внимание. Полезная информация. Присутствующие стали изучать бумагу.

– Миха, дай сигарету.

– Спичек нет.

– Найдем.

У меня нашлась зажигалка. Миха закурил. Я тоже. Та, что с лопухом на голове, вдруг, спросила:

– Вы что? Художники?

Милиция долго не приезжала. Я предложил подождать в тени, на ближайшей завалинке. Присутствующие согласились. Миха извлек теплую бутылку шампанского и грохнул пробкой – пена плеснула на группу одуванчиков. Женщины пить отказались. Но одна из них, в зеленом переднике, неожиданно предложила нам аккуратный граненый стакан – раз уж собрались пить, так пейте цивилизованно. Шампанское оказалось горячим и меня понесло.

Чувствуя ответственность за нашу судьбу, я уже во второй раз, но с куда большим воодушевлением, стал пересказывать повесть Лескова.

Женщины примолкли, и все уставились на меня. Потихоньку появились новые слушатели. Скоро под старой березой стало тесно. Пришли даже парни – молодые и трезвые. На самом интересном месте (когда Иван попал к татарам в плен, и те, вскрыв кожу на пятках, зашили ему в ноги конский волос), приехала милиция.

Миха толкнул меня в бок. Серый газик с синей полосой на двери остановился поодаль на обочине. Самая авторитетная, как оказалось, седая и в зеленом переднике женщина подалась к машине. За ней увязались еще двое.

Так – сейчас придут полицаи и начнут трясти мозги. Но газик уехал, и никто не пришел.

– Мы приняли решение, что вы пострадавшие, – заявила неожиданно седая в зеленом переднике, которая вернулась бодро назад, – Ленка, отдай им их портфель.

Кто-то из толпы всучил Михе портфель. Миха сразу схватил его обеими руками и прижал к груди. Не сговариваясь, мы с ним сделали два шага назад.

– Спасибо, граждане, за помощь, – промямлил я.

– А где же Зоя? – ляпнул Миха.

– Ми-ха-ха, нам в город надо, срочно, – потянул я дружка за рукав, – до встречи, товарищи.

На безопасном расстоянии, в поле на тропе, Миха заглянул в портфель:

– Бумаги исчезли.

– Мои графики?

– Спокойно, Семен. Нас ждет большое будущее. Ведь мы художники.

Абдул Толик

Плотный стальной звук метнулся от первого вагона ко второму, и сразу убежал дальше, в конец состава. Все двенадцать вагонов тряхнуло и дернуло вперед. С рукой нашей соседки, держащей стакан чая, случилось то же самое, и пяток оказался на моей правой штанине. Там был еще кусок лимона, который упал под пыльный столик. Никто его доставать не стал. Мы сидели в купе, обложенные со всех сторон полосатыми мешками. Едкий запах упаковочной ленты ядовито повис в горле.

В открытое окно лез горячий воздух всех пустынь, впадин и равнин к югу от Эби-Нура. Я вынул из кармана влажный паспорт, нашел шестую страницу и уставился на бледно–зеленую наклейку:

– Николай, посмотри. Тут какое число проставлено?

Зажав между коленей недопитую бутылку, Николай схватил документ в обе руки и стал внимательно рассматривать визу красными глазами. Рядом сидел Степан и нервно вертел в пальцах сигарету. Вспомнив, что выходить из купе нельзя, он вернул ее обратно в пачку, которую хранил под майкой на плече. В проеме двери появился усатый парень и молча принял у нашей соседки помятую зеленую бумажку. Усач –

старший челнок – собрал еще стопочку зеленых у коллег по всему вагону. Затем эта стопочка перекочевала в задний карман засаленных форменных брюк толстяка с раскосыми глазами. Весь вагон стоял к нему в очередь. Мы оказались первые:

– Так, граждане – таможня. Документы, пожалуйста.

Голос у толстяка, как почти у каждого казаха, был добрый и мягкий. Он деловито оглядел помещение. Когда убедился, что все мешки принадлежат женщине по имени Раиса, уставился на нас:

– А где ваш багаж?

Степа ткнул пальцем в верхнюю полку. Таможенник безглаголиво осмотрел три жалких рюкзака и взялся листать наши документы:

– Так, предъявите регистрацию пребывания в стране и справку об отсутствии СПИДА. Что, нет? А квитанция из камеры хранения вокзала? Нет? Плохо.

Толстяк погрузнел. Опять полистал мой паспорт и вдруг спросил, пряча все три наших документа в нагрудный карман синей рубашки:

– Вам кто визу делал?

– Китайское посольство, – смело заявил Степан.

– Посольство, говорите, – произнес таможенник и поминал

Степу сначала в коридор, а из коридора в тамбур.

Степана не было минут двадцать. Наконец они вернулись; толстяк улыбался – Степа тоже, но как-то неестественно. После жесткой торговли цену на тамбурную пыль удалось сбить со ста пятидесяти баксов до шестидесяти; пепел от пяти сигарет упал на пол бесплатно.

Наконец поезд тронулся; прополз еще метров пятьсот и затих на платформе станции Достык. Из вагонов повалил изрядно вспотевший челночный народ. Состав отогнали менять колеса – по традиции следовало подышать воздухом родины два часа. Пассажиры запрудили буфет и зал ожидания; протекли с обратной стороны здания вокзала через широкую дверь и мелкими группами двинулись в сторону ближайшего ресторана.

Ресторан, облицованный снаружи и внутри белым сайдингом, самое удобное место, где можно отметить начало трудовой недели. Хозяева заведения хорошо знают, сколько съедят, выпьют и побьют посуды основные клиенты – челноки.

Поселок мелкой шелухой рассыпался посреди широкой и лысой долины. Вокруг, застывшим хороводом сверкали на солнце низкие горы. Сразу за Достыком – ряды колючей проволоки и пограничная станция Алашанькоу. Дальше – соленое озеро Эби-Нур и Китай. За рынком тянулись рядами казармы, а за ними – пастбище, сарай, козы.

Мы нашли безлюдный рынок и купили в палатке несколько бутылок пива, богато украшенных иероглифами.

– Вот это подходящее место, – сказал Степа, и разлегся на травке рядом с пограничной вышкой. На вышке томился караульный, который тут же, заигрывая, принялся целиться в нас из «Калашникова».

– Скучно парню, – сказал Николай, открывая первую бутылку. Солдат, словно недоступное сухое яблоко, качался на макушке высокой деревянной конструкции. Он норовил испариться и исчезнуть в жирном воздухе Джунгарских ворот, так и не дождавшись смены караула.

Далеко и близко – мы лежали в траве между двумя мирами и пили рисовое пиво в компании хребтов Барлык и Алатау.

Озера Алаколь и Эби-Нур подпирали нас спереди и сзади. Обитателям этой тектонической трещины известно, что ближе к осени в неё устремляется дыхание всех китайских драконов. Я сказал:

– Степан, мы с Николаем благодарим тебя за таможду, иначе злая сила оставила бы нас здесь поджидать Ибэ, Юйбэ и Евгений, которые в одном лице сдули бы нас обратно в Алаколь вместе со следующим поездом и травой, на которой мы сейчас лежим. Может быть, унесло бы и станцию, кто знает.

Степа спросил:

– Ибэ, Юй-бэ и Евгей?

– Это такой ветер, который устраивает дефиле от самого Эби-Нура. Когда он здесь проходит, от него отскакивают камни, как галька от ровной глади Иссыккуля.

– От местной таможи ничего не отскакивает, а только прилипает, – сказал Николай. – Надеюсь, ближайшей осенью этот Евгей развеет ее, вместе с пограницами по всему Казахстану.

Поезд колотил колесами по сухой стали вдоль хребта Борохоро уже пять часов, поглядывая левым боком на пустыни Курбантонгут и Карамайли. Мы оставили позади зеленые мундиры пограничников, их желтые непроницаемые лица и широкие полосы нейтральной территории. Прошитые по краям колючей проволокой, они рассекали горизонт от края до края. Растопленная июлем, проплывала мимо Джунгарская равнина, которая готовила жаркое из саксаула и тамариска для китайских зэков. Надрываясь, они складывали каменные плиты ровными квадратными штабелями. Издалека отряд заключенных казался ожившими фигурками из глины, которые поднимали тяжести под присмотром всего двух конвоиров. Я достал распечатку «Описания путешествия в Западный Китай» братьев Грумм-Гржимайло и стал читать. Сорок глав научного труда, петляя вдоль северных склонов Борохоро, повели меня с небольшим кара-

ваном в уйгурскую столицу.

Теперь, глядя на высокую горную гряду, которая миражом тянулась с запада на восток, я уже имел некоторое представление о тамошней растительности и полезных ископаемых. Здесь, с крутых склонов хребта, по трубам глубоких ущелий падают горные реки. Они вонзаются в твердую землю равнины. На ней до сих пор толпятся неприкаянные души ойратов, хозяев Джунгарского ханства, от которого осталось одно географическое название. Грумм-Гржимайло утверждают, что это агрессивное племя насчитывало миллион человек, когда китайцы решили, что проще их вырезать, как никуда не годное стадо, чем вести с ними бесплодные переговоры.

Наконец появилась первая крупная станция. Возле семафора ошетилилась лопатами сотня мелких промасленных круглых лиц. Я не сразу сообразил, что это всего лишь толпа железнодорожных рабочих присела отдохнуть на насыпи.

Остановка – десять минут. Челночная братия высыпала на платформу покурить и размяться. Посреди спортивных штанов, волосатых животов, табачного дыма и домашних халатов стояла по стойке смирно на тумбе строгая китайская девушка в железнодорожной форме – символ порядка и покоя. Группа русских парней в конце платформы грубо плеснула хохотом.

– Смотри, Санек, китайский пейджер поехал, – сказал кто– то из них, ухмыляясь.

Санек стрельнул окурком куда-то вверх. Железный ящик, с бумагой в брюхе, медленно полз, цепко ухватив стальной трос двумя роликами, прочь от станции. Столбы натянутой нитью указывали на юго-восток. Пока я мял носком ботинка упавшую сигарету, ящик пересек круглый пятак солнца, повисшего на линиях электропередач. Скоро оно стало багровым, а пустыня розовой. Этот цвет продержался недолго, его быстро съела холодная ночь.

Утром в общий коридор вагона выползли похмельные дунгане. Всю ночь они бурно пили водку в вагоне-ресторане и орали дикими голосами свои дунганские песни, шляясь по вагонам. Теперь вот, притихшие, стояли и молча разглядывали срущих вдоль путей стариков, которые подтирались зелеными лопухами.

Поезд, скрипя колодками, червяком заползал за шиворот кирпичному муравейнику. Жалкие строения из сырца давили вагоны со всех сторон. В этом тесном коридоре по обе стороны от дороги царила безумная возня: дети бегали без штанов, женщины стирали в тазах бесцветное тряпье, какие-то люди ковырялись в мусоре и чистили зубы. Кое– где горел сухой навоз, нагревая железные бочки с черной смо-

лой. Смола плавилась, ее мешали кривыми сухими палками. От бочек, в сторону, полз темный тяжелый дым. Сквозь его серую завесу, вдали, уже виднелись небоскребы уйгурской столицы.

Толпа вынесла нас на привокзальную площадь. Чужая речь заполнила уши. На фасадах зданий заплясали красные иероглифы; четыре из них, отдельно стоящие на крыше вокзала, давали ясно понять – мы в Урумчи, которому духи пустыни присвоили титул РАВНОУДАЛЕННЫЙ ОТ ВСЕХ МОРЕЙ И ОКЕАНОВ.

Площадь кишела мигрантами со всего Синьцзяня. Человеческий гомон звучал как голоса голодных перелетных птиц, которые наверняка никогда не слышали грохот океанского прибоя. Птицы близких городов Аксу, Кучи, Коры и Карамая невозмутимо сидели или спали на своих джинсовых мешках под ногами у многочисленных гостиничных агентов и мелких торговцев. Эта цветная полуголодная масса в поисках заработка стремилась на сытый юг. Многие жевали сваренные вкрутую яйца, бросая шелуху на землю, но большинство грызло куриные лапы. И то и другое кипело в кастрюльках и продавалось тут же.

– Может, поищем железнодорожные кассы? – спросил я у Степана.

Возникло непреодолимое желание быстро убраться из этого места. В кассах было еще хуже. Мне удалось пролезть вглубь зала на пару десятков метров, но потом, плюнув на эту глупую затею, обдирая чьи-то пуговицы, я ринулся обратно.

– Давайте выпьем холодного пива, – трезво оценил ситуацию Николай.

Мы покинули площадь. Пересекли большой сквер и широкую улицу. На ней мы обнаружили гигантский рынок. Он тут же всосал нас, как мошкарку, в свой желудок через увешанные флажками широкие ворота. Его внутренние пространства делились на этажи, которые больше напоминали уровни. Николай на радостях купил ярко-желтый рюкзак за четыре доллара, который стал разваливаться на пятый день, а на десятый уже ехал в мусоровозе по просторам Синьцзяня.

Волна разнообразного шмотья вынесла нас на третий уровень – к ботинкам. Возле побитого, испачканного, потертого, практически изнасилованного манекена отирался молодой уйгур в черных брюках и простецком белом поло. Щуря в нашу сторону ленивые глаза, он вертел на пальце дешевый брелок без ключей.

– Привет, Одесса! – ляпнул, вдруг, малый, когда мы с ним поравнялись.

– Что это значит, я не понял? – спросил почему-то у меня Николай.

Я подошел к парню и осведомился:

– Вас как зовут?

– Мой имя Абдул.

– А меня Сережа, – решил я, что завожу полезное знакомство.

Парняга продолжал крутить брелок на пальце.

– Послушай, Абдул, а с чего это ты решил, что мы Одесса?

– У нас там други, – пояснил Абдул, не меняясь в лице.

– И, что? Мы похожи на одесситов?

– Чут чуть.

– А ты, вообще, чем занимаешься?

– Я студент. Мое тут практик.

– На рынке?

– Тут многа русский... я говорил с ним... это хороший практик, – зазвенел его отвратительный голосок.

По облику Абдула спокойно гулял почти нулевой интеллект: бритая лысая голова, желтое и плоское лицо – с обиженных женственных губ стекали стриженные усики. Сонные глаза вообще ничего не выражали.

– Абдул, помоги билеты купить на поезд до Ланьчжоу.

– А что, это проблем? – вяло протянул «студент».

– Да вот, знаешь, надо.

Абдул лениво отклеился от стенки и направился к выходу. Этажом ниже он встретил дружка по имени Муслим и что–

то скороговоркой надиктовал ему на ухо. Затем, взявшись, как дети за руки, они побежали по длинной лестнице вниз – на уровень первого этажа. Мы устремились за ними.

– Парни, конечно, принесут подделку? – предположил Степа.

– Этим «студентам-заочникам» верить нельзя.

– Проверим у полицейского.

На привокзальной площади народу слегка поубавилось. Солнце подобралось к зениту, нагревая наши головы – особенно голову Абдула. Вокруг нарисовалась небольшая банда «студентов-заочников». Я достал голландский табак и раздал всем желающим бумажки для самокруток – «студенты» взялись за дело.

Никто, кроме Абдула и Толика, на русском не говорил. Толик, высокий узбек, первый полез знакомиться. На голове он носил черный сноп волос, который покачивался там, как тюк на верблюде. Толик, в отличие от лысого дружка, распространял вокруг здоровый дух веселого авантюризма.

– А вы были Германь? – первым делом спросил у нас Толик.

– Были, брат.

– Я тоже скоро поехать...

– В Германию?

– У меня там родственник живет... к нему еду. В Германь хорошо, – добавил он сладким, как дыня голосом.

Билетов ждали минут двадцать. Заочники успели выкурить почти весь мой табак. Наконец, принесли три картонных прямоугольника. Мы показали их ближайшему полицейскому, как специалисту по ценным бумагам. Полицейский повертел их перед глазами, потом стал махать руками и восторженно кивать головой. Внимательно следя за его жестами, мы решили – билеты настоящие.

– Четыреста юань надо дать ему, – указал глазами Абдул на пожилого дядю, застывшего с улыбкой между «студентами», утонувших в голландском дыму.

– Двойная такса? Ладно. Сойдет.

Поделив между собой маржу, участники стали расходиться. Остались Абдул, Толик и Муслим. Последний разговаривал мало и выглядел франтом – брючки и поло новые, лицо гладкое. Мучительно хотелось выпить холодной и хмельной рисовой жидкости. Всей толпой двинулись обратно – к рынку. Абдул с Толиком решили отложить свои дела. Их офис – третий этаж базара, а фирма не имеет регистрации и называется

«ТРЕТЬЕСОРТНЫЕ МАКЛЕРЫ-ВЫМОГАТЕЛИ АБДУЛ & ТОЛИК»

– Смотри, сейчас далялы выставят черинку, – вмешались Грумм-Гржимайло, прячась под тридцатой страницей своих

«Описаний» у меня в сумке. Они оказались правы – «студенты» предложили магарыч: на только что заработанные деньги они накупили уйгурского пива в забегаловке, затертой где-то в углу этого кошмарного базара и стали нас угощать. Там же мы его и выпили. Потом пошли гулять по городу.

Не знаю, что мы делали весь день, но точно помню, как Абдул неожиданно стал ловить такси:

– Едем к нам... наш район. Будем показывать.

– Что показывать, брат?

– Мы там жить, – тряс своей черной копной Толик, без усталости улыбаясь.

Все четыре двери красного такси хлопнули разом – мы вывалились из машины бог знает где. Под ногами обильно захрустела сухая шелуха и пластиковый мусор. Ботинок Николая поехал по гнилой фруктовой слизи куда-то вбок; он резко взмахнул руками, но не упал. Рядом, на прилавке, сооруженном из старой двери, стоял продолговатый жестяной таз, набитый бараньими черепами. Торговец, завидев нас, простодушно показал нам свою беззубую улыбку мясника. Тут же громоздились кучи с махоркой и полосатыми плодами подсолнуха. Девочка, мелькая красными ногтями, хватала его толстое семя и растерянно мяла во рту, разглядывая толпу рыжих голубей, которые суетились под ногами.

Взгляд уперся в обмотанную электропроводкой зеленую

мечеть. Ее грязный минарет смахивал на заводскую трубу. Улица ходила ходуном от воплей торговцев и толпы оборванцев. Все здания, казалось, разом рухнут от налипшей на фасады серой и липкой городской пыли.

– Надо вешать рюкзак на живот, – стал беспокоиться за нас

Толик, – тут много... вор.

Николай взялся покупать махорку. Купил четыре стакана. Муслим с Абдулом ушли за махоркой посложнее. Как она называется, мы так и не узнали. Толик выразился так: «Это делать из листьев... потом класть трубка и тянуть».

Мне понадобилось отлить: «Брат! Где тут туалет»? Толик завел меня за облезлую кирпичную стену. Там обнаружился запруженный подростками пустырь.

– Мочи тут, – указал Толик своей собственной струей на кучу мусора.

Когда появились Муслим и Абдул, стало темнеть. Бодро преодолевая разнообразные препятствия вроде груженных углем ослов, мы вышли на широкую прямоугольную площадь, стиснутую с трех сторон старыми небоскребами. Четвертую занял типичный сталинский «Дом культуры». Широкие лестницы, колонны и две аллегорические фигуры сторожили (украшали) вход. Слева – гипсовый уйгур, прикрытый тремя слоями побелки, играл на домбре, явно симпатизируя второй. Вторая – танцующий китаец; то ли в халате, то ли

в платье – тоже белый. Очень может быть, что эта скульптура была женского пола. Ее лицо уже облезло, но еще улыбалось, намекая на теплые чувства к брату-уйгуру.

Возле ДК поселились столики; там же чадил длинный мангал. Черные, морщинистые повара нанизывали мясо на тонкие стальные спицы. Мы с Толиком купили двенадцать – чуть не по литру – бутылок холодного пива и четыре «букета» красной от перца шашлычной баранины. Остальные заняли свободный столик.

У входа в «Дом культуры» оживление: из припаркованных вдоль фасада красных автобусов выгружаются люди в синей форме. Их много. Абдул тыкает в толпу рукой:

– Это таможень... люди.

Сразу видно, намечается концерт, и вообще – торжество. Муслим достает трубку, но тут же прячет.

– Сейчас эти... уходить, – поясняет Абдул.

– Кто эти? Полиция? – недоумевает Степан, – так никого же нет?

– Как нет, они вон ходит, – неопределенно тыкает в сторону наш дружок, – формы не надевать, штаны другой вид... и глаза вниз смотрит, строго.

Николай разливает по стаканам пиво, дожидается стеклянного звона, потом вворачивает:

– Ну! За дружбу!

– У нас говорят «достык», – шутит Степа.

Все смело выпили. Муслим снова полез за трубкой. На-

крошил туда какой-то трухи, зажег спичку, дунул и передал Толику. В итоге все дунули по одному разу и запили пивом.

На улице стемнело. Общаться не хотелось, но было нужно – за дружбу. На крыше соседнего здания зажегся рекламный щит; нарисованные кое-как старики в чалмах светились луной и хитро друг другу улыбались, вертя в руках сухие корешки.

– Лекари. Рекламируют народное средство от насморка, – пояснил догадливый Степан.

Николай опять налил шесть полных стаканов. Парни обмякли. Абдул стал говорить совсем медленно. Его глаза, и так мутные, вообще потухли. Я встал и пошел в «Дом культуры» искать туалет. За мной увязался, покачиваясь на ходу, уже пьяный, Толик. В фойе, прикуривая сигарету, он спросил:

– Хочешь... смотреть концерт?

Затем, не дождавшись ответа, дернул за бронзовую ручку высокой двери и исчез в темноте концертного зала с сигаретой в руке.

Я не сразу разглядел форму железнодорожников. Их пуговицы блестели ровными рядами; между ними иногда взрывались хлопушки в виде бурных аплодисментов. Кажется, все места были заняты. На освещенной софитами сцене голосил небольшой хор – народная песня широкой волной обрушивалась на строгие мундиры. Одинокий Толик носился по проходам с сигаретой, размахивая руками: смотри мол,

как тут у нас... вообще... в принципе, петь умеют. Было не совсем ясно, отчего никто не обращает на него внимания. Толика следовало бы отловить и свезти в участок.

Вечер кончался трудно. Пока я ходил в туалет, Абдула и Степу потянуло к «девушкам». Муслим и Толик тоже запросились. Николай отказался, поскольку женский пол его не интересовал. Опять взяли такси; приехали на вокзал и нашли гостиницу. Устроились в стандарте на троих, оставили там Николая и сразу ушли на поиски подружек.

«Ночь нужна для того, чтобы спать» – тысячу лет убеждают свое население китайцы. Короткие сумерки, словно гипнотизер, проводят рукой по глазам горожан и улицы сразу пустеют. Дух базара Думу трясет костяшками разврата в каждом темном углу. «Эй, Грумм-Гржимайло, что такое это «Думу»? «Я решительно уклоняюсь от неприятной обязанности писать на подобную тему» – отвечает мне шестая глава, – «если хочешь, раскинь мозгами».

Пока я «раскидывал своими мозгами», впереди появился широкий проспект и сверкающая гостиница. В фойе, подпрыгнувшего в ночное небо на четыре звезды отеля, открылась вся страшная правда о дружбе китайцев и уйгуров – наших парней туда не пустили. Но «студенты» не растерялись и двинулись по переулкам дальше, в дебри ночных кварталов.

В конце короткой улицы засияла витрина парикмахер-

ской. Над входом висел транспарант, который перечислял главные особенности заведения: ТОЛКАЮЩИЙ МАССАЖ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОЕ МЫТЬЕ НОГ ОСКОРБИТЬ УЛОЖИТЬ ЗАВИТЬ ВБЛОСЫ ПОСТАТЬ БАНК ДЕВУШКА ИМЕЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ. Соседняя дверь вела в «Магазин полового культинвентаря». Я понял – мы пришли куда надо.

Конкретно в этой цирюльне наших уйгуров опять обидели. Молоденькая, мелкая как кнопка, девушка, увидев нашу компанию, аккуратно пристроила закладку между страниц книжицы, которую мирно читала в углу, сунула ее под лампу и стала внимательно слушать пышную речь Абдула. Абдул ее в чем-то убеждал, но в ответ Кнопка усердно мотала головой. Их речь гортанно заметалась по тесному помещению и, обернувшись повышенным тоном, выскочила за дверь.

Подключились Муслим с Толиком. Мало-помалу возникла перебранка. Голос у Кнопки стал зычным и тонким. Студенты наседали на Кнопку с увещеваниями – Кнопка не сдавалась. Как только чрезмерно живая беседа сорвалась в крик и вопли, из соседней комнаты появились три крепких китайца. Наши «дружки» неожиданно для себя оказались на улице. Толик, кажется, получил по уху. Я понял – это серьезная дискриминация.

Степан внес средства, ему вручили товар – худую низкорослую китайку, которая уже имела «специальные услуги». Я остался сидеть с Кнопкой. Девушка опять достала свою

книжку, поерзала на табурете, поправила лампу и, не стесняясь, вдруг спросила, пользуясь русским языком: «А вы откуда к нам приехали?».

Всю ночь Степа громко храпел, но это не помешало мне под утро увидеть дурной короткий сон: в светлой пустой комнате появился лысый человек, и, закрыв пушистой головой, яркий проем окна, навис надо мной мрачной тенью. Я в ужасе проснулся и увидел Абдула. Немного поморгал, в надежде на более подходящий исход; но нет – сон сросся с реальностью. За Абдулом, где-то в дверях, шурился веселый Толик. Наступило утро следующего дня.

– Вам чего, ребята? – вздохнул со своей койки Степан.

– Добрый утро... брат, – приблизился и сел на мою кровать Абдул.

Николай лежал на соседней, но не подавал признаков жизни. Толик подошел ближе, не решаясь присесть. Постоял некоторое время в ногах, но потом осторожно опустил свою задницу на краешек Степиной кровати. Абдул опять достал трубку.

– Это что, вместо кофе? – спросил я. Но Абдул не понял, что я имел в виду.

Ладно – дунули. Николай так и не проснулся. Степан отказался – и правильно сделал. В голове стало светло:

– А что, Абдул Толик? Прогуляемся? – не зная, куда девать свою энергию, предложил я.

Веселый Толик закивал головой вместо Абдула. Улыбка не сходила с его лица; глаза сияли хитрым огнем. Степан сказал:

– Может быть, не стоит?

ЗАМАН ҚАЯН – СҚН ШУ ЯН (Каковы веки, таковы и человеки)

«Головы непокорных номадов заперли в деревянные клетки и подвесили на высокие шесты. Их вкопали в желтые склоны, которые, словно гигантские кашки, оставленные гусеницей по имени Борохоро, нависли над городом. Они высохли и окаменели как раз там, где сейчас торгуют разнообразной жестянкой и пекут самсу. Теперь это безымянные трущобы на километр левее Южного вокзала, которым подрезала макушку железная дорога...»

– Будет тебе врать, – опять вмешались Грумм-Гржимайло, – не было там никаких шестов. Головы отрубали разным проходимцам и ставили на перепутьях.

– А это место разве не перепутье? Отсюда хорошо наблюдать за проходящими поездами. Представьте, с каким интересом головы будут заглядывать в окна вагонов, где челноки переупаковывают трусы, майки и кеды.

– Нам не нужны твои фантазии.

– Тогда давайте это предположим.

Гржимайло-старший сложил из шестой главы самолетик и бросил в мою сторону:

– Ты вообще китайцев не знаешь. Несешь всякую чепуху. В наши времена это была просто крепость, которую кое– как слепили из глины, навоза и соломы.

Я подумал: «Какого черта я таскаю эти „Описания“ с собой? Надо было оставить их в гостинице».

Город брезгливо отгородился улицей ШИ ШОН ЛУ от сложенного из сырого кирпича лабиринта хибар, который каждый год взбивает миксер осеннего ветра и дождя, путая его с тибетским чаем. На узком перекрестке, в яме, застрял грузовик. Его деревянный борт треснул и на землю высыпались пустые газовые баллоны. Один из них подкатился к целой груде тазов и корыт, среди которых сидел старик и лудил ржавое ведро.

Мы проходили мимо. Толик всю дорогу показывал мне свои белые зубы, пытаясь что-то рассказать, но у него плохо получалось; Абдул демонстрировал все признаки похмелья. На фоне иконостаса из зеленых ковриков, повисшего на высокой ограде, стоял Муслим и закуривал сигарету. Абдул и Толик несколько не удивились встрече. Очевидно, мы пришли на стрелку.

Абдул прикурил от Муслима свой окурок и хмуро поздоровался с корешком. Муслим потрепал Толика за вихры, который, обращаясь ко мне, еле-еле сконструировал фразу:

– Сейчас... к Муслим домой, гости. Надо.

– Что, опять пиво?

– Пи-во-во, – потянул губами резину Абдул, параллельно производя в уме простые математические вычисления.

Нас было четверо, поэтому мы купили восемь бутылок уйгурского. (Китайское авторитетный Абдул отверг, поясняя: «Это не пиво. Как на русский сказать? А-а-а, писать... писанки».) Покупку оплатил Муслим, намекая на гостеприимство. Его усадьба гнездилась в глубине первого яруса. Дом Муслима мог похвастаться обожженным кирпичом и железными воротами, которые вели во внутренний дворик. Верхнюю кромку ограды щедро посыпали битым стеклом.

Двор – это маленький садик. Через него мы вошли в жилище. Посреди гостиной стоял журнальный столик и диван. На стене висел портрет «душистой наложницы» Ипархан в цветном платке. Абдул сразу отвернул его к стене, чтобы борец за свободу уйгурского народа не видела, во что превратились ее потомки.

Потомки затеяли слегка расслабиться. В углу стояли друг на друге два резных сундука – красный и золотой; красный был покрыт золотым орнаментом, а золотой – красным. Оба ящика дополнительно украсили кружевными белыми салфетками. Чтобы совсем уж было глаз не оторвать, сверху водрузили пластиковое дерево с красными плодами, которые я принял за елочные игрушки. На полу гремел вентилятор. Он разгонял воздух, который переместил часть шевелюры

Толика ближе к окну.

Мы расселись вокруг стола. Кто-то насыпал в тарелку целую гору семян подсолнуха. Муслим открыл стеклянную дверцу стенного шкафчика и достал пиалы. Там я увидел тульский самовар, из которого торчал лист пальмы. Абдул наполнил фарфоровые емкости. Парни заговорили про свое – про уйгурское. За открытым окном гудел рабочий понедельник.

«Душистая Ипархан» гневно сдвинула брови: компания бездельников плескалась в неге дивных чар.

Голубая вода лагуны подошла к железнодорожным путям. Мы покачивались на ее водной глади, лузгая семечки. Все честные работяги утонули на дне Прекрасного пастбища, подметая улицы и вынося мусор. Время от времени я теревил Абдула вопросами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.